

МЕТАФОРА И ИРОНИЯ

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 февраля 2009 г.

Аннотация: метафора и ирония традиционно воспринимаются как рядоположные явления. Однако в основе их создания и интерпретации лежат различные когнитивные механизмы. Существуют также значительные различия между метафорой и иронией на формальном и функциональном уровнях. Метафора — языковое явление, с помощью которого осуществляется категоризация объектов окружающего мира. Ирония — дискурсивная практика, направленная на достижение определенного прагматического эффекта. Формальные и функциональные различия между метафорой и иронией интуитивно ощущаются носителями языка, что выражается в метаязыковой форме.

Ключевые слова: метафора, вербальная ирония, дискурсивная практика, основные тропы, метаязыковая деятельность.

Abstract: there is a strong tradition to include metaphor and irony in the category of rhetorical tropes. However, metaphor and irony are phenomena of different cognitive origin. In discourse they exhibit significant formal and functional differences. Metaphor is a language tool used for linguistic categorization. Irony is a discursive practice aimed at a certain pragmatic effect. Formal and functional differences, intuitively perceived by the speakers, are reflected in meta-linguistic form.

Keywords: metaphor, verbal irony, discursive practice, master tropes, meta-linguistic activity.

Метафора и ирония — два явления, которые со времен античности рассматриваются как рядоположные. Однако их функционирование в дискурсе позволяет предположить, что, несмотря на наличие сходных свойств, это явления различной природы.

Языковая метафора — популярнейшая тема в современной лингвистике: объем публикаций, посвященных метафоре, таков, что, кажется, ничего нового о ней сказать уже нельзя. Сложившиеся в когнитивной лингвистике подходы к описанию метафоры (когнитивная теория метафоры, теория концептуальной интеграции и др.) позволили отойти от риторической традиции и классифицировать метафору как один из наиболее важных способов языковой категоризации и познания мира [1]. Как пишет Э. Гоатли, метафоры являются необычным способом использования языка, и поэтому они потенциально способны менять границы привычных категорий [2].

Вербальная ирония — менее популярный объект исследования, хотя в последние десятилетия интерес к ней снова возрос. Об этом, например, свидетельствует недавняя публикация сборника статей «*Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader*», в котором ирония анализируется с привлечением методов когнитивной лингвистики [3]. Несмотря на возросший интерес к иронии, наблюдается парадоксальная ситуация: исследователи отмечают, что традиционное определение иронии не охватывает все

случаи ее употребления, но, вместе с тем, как бы не замечают того, что иронии «тесно» в ряду тропов и фигур.

Риторико-стилистическая традиция предполагает инструментальный подход к языковым явлениям. И ирония, и метафора как разновидности языковых аномалий становятся инструментами, необходимыми для достижения определенного эффекта: они позволяют говорящему сказать одно, имея в виду нечто другое. Еще в XVIII в. метафора, метонимия, синекдоха и ирония получили статус основных в трактате Дж. Вико «Основания Новой науки: Об общей природе наций» [4]. Все остальные тропы, по мысли философа, могли быть сведены к этим четырем. Традиция объединения метафоры, метонимии, синекдохи и иронии была продолжена в XX в. американским философом и теоретиком литературы Кеннетом Берком. В его работе «*Language as Symbolic Action*» эти тропы также получили статус основных (master tropes) [5]. Дальнейшее исследование тропов как риторических инструментов позволило прийти к выводу о том, что метафора, метонимия, синекдоха и ирония образуют систему, с помощью которой человеческий разум осуществляет языковую категоризацию окружающего мира [6]. Действительно, метафора и ирония имеют много общих свойств с точки зрения семантики и прагматики коммуникации. И то, и другое — семантически «двухслойные» явления, в которых проявляется творческая функция языка.

«Двойное» значение метафоры основывается на переносе уже известной информации на новый объект или на знании о сходных свойствах двух объектов. Двойственность семантики иронического высказывания обусловлена несовпадением значения высказывания и значения говорящего [7]. Это позволяет исследователям классифицировать и иронию, и метафору как разновидности не прямой коммуникации [8]. И языковая метафора, и вербальная ирония требуют от участников дискурса больших усилий по созданию и интерпретации по сравнению с прямыми способами коммуникации. У метафоры и иронии есть еще одно общее свойство, логического характера: ни ирония, ни метафора не могут быть оценены в терминах истинности/ложности: их интерпретация осуществляется на основе принципа релевантности [9].

В то же время существуют явные различия в семантике и прагматических характеристиках, в способах языкового оформления и функционировании метафоры и иронии в повседневной коммуникации. Метафора — это языковое явление преимущественно лексического уровня, «технический прием», позволяющий экономным образом назвать или описать объект. Согласно когнитивной теории метафоры, этот прием основан на конвенциональных ассоциативных паттернах. Метафоры (даже в художественном тексте) создаются не хаотично. Есть определенные паттерны перенесения известного на новое. Это подтверждается фактом существования словарей метафор, функционирующих в различных сферах дискурса [10], тогда как составление словаря «ироний» представляется невозможным.

Нет и фиксированных способов выражения иронии. Поскольку словесное пространство иронии неограниченно [11], ироническая интенция говорящего может «прятаться» в разных языковых уровнях. Говорящий создает ироническое отношение с помощью интонации (в письменном тексте сигналами могут служить различные знаки препинания, в неформальной электронной коммуникации — смайлики), через лексику, через синтаксическую организацию высказывания. Трудно приписать функцию создания иронии какому-то одному элементу высказывания; часто говорящий комбинирует средства, относящиеся к разным уровням языка. Все это позволяет предположить, что ирония и метафора — не рядоположные явления.

В основе метафоры и иронии лежат принципиально разные когнитивные механизмы. В то время как метафора становится возможной благодаря нахождению общих свойств двух объектов, ирония основана на когнитивном диссонансе между содержанием высказывания и реальным положением дел. Для интерпретации иронии необходимо как понима-

ние прямого значения высказывания, так и понимание имплицитного значения, которое Дж. Серль определил как значение говорящего [7]. Ироническое отношение возникает как результат сопоставления этих значений.

Семантические противоречия, возникающие между значением высказывания и тем, что имеет в виду говорящий, могут быть разрешены путем металингвистического разведения противоречащих фреймов («Я имею в виду, что ...»). Если такого разделения фреймов не происходит, это может стать сигналом для интерпретации высказывания как иронического.

На метаязыковом уровне носители русского языка воспринимают вербальную иронию не как языковой инструмент, а как речевое действие. Об этом свидетельствует перформативное употребление глагола *иронизировать*: им называется определенный тип речевого действия (о критериях перформативности см. [12]). Примеры употребления глагола *иронизировать*, извлеченные из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), показывают, что данный глагол эксплицирует коммуникативные намерения говорящего:

Автор не умеет говорить «нет», как Вы деликатно (на Вас не похоже) выразились, она ищет повод остаться хорошей и при этом соблюсти шкурный интерес. Это и называется двойной моралью. Я это так называю. И именно над этим я иронизирую. Теперь понятно? Для «особо одаренных» комментирую: про мебель из Лувра, «Три медведя», «Ералаш» и «ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ любви и счастья» — это была ирония. Да, недобрая.

Собеседник может отказать говорящему в праве на использование иронии:

— *Не иронизируй, — сказал Гурьянов. В голосе его звучали строгие руководящие нотки.*

В противовес этому глагол метафоризировать не употребляется как перформативный: нельзя сказать собеседнику: *Не метафоризируй*. Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что глагол *метафоризировать* употребляется как глагол, обозначающий ментальное действие:

Слово «Ренессанс» изначально было метафоризировано, и процесс «очищения» его значения был очень долгим.

Еще одно свидетельство в пользу того, что ирония воспринимается носителями языка как особый тип коммуникативного действия — использование в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка пометы «с иронией» при отсутствии пометы «с метафорой»:

Л.: Такое сочетание у него там /зеленое с синим / пол оранжевый...

С.: (с иронией) Да-а-а/ красота...

Сходная картина наблюдается в английском языке, где есть глагол *to ironize* со значением: *to use irony, speak ironically*. Также существует и глагол *metaphorize*, но, как и в русскоязычной коммуникации, он не употребляется как перформативный. Примеры употребления глаголов *to ironize* и *to metaphorize* взяты из Corpus of Contemporary American English (<http://www.americancorpus.org>).

*As argued above, the question that opens the final chapter — «Who can be in doubt of what followed?» — disrupts narrative teleology for the reader, functioning to **ironize** both stable ends and natural sequels.*

Следует отметить, что глагол *to ironize* употребляется редко — в корпусе зафиксировано только 3 вхождения (в Национальном корпусе русского языка зафиксировано 471 вхождение глагола *иронизировать*).

Глагол *to metaphorize* также употребляется достаточно редко (в корпусе современного американского варианта английского языка содержится только 2 вхождения). Его значение, как и в русском языке, связано с обозначением ментальных процессов:

*Her tendency to **metaphorize** abstract concepts into concrete symbols reflects her desire to transcend the void of her real existence by dwelling within a verbally constructed plenitude.*

Таким образом, ирония оценивается как определенный тип вербального действия, а метафора — как результат мыслительных операций, воплощенный в языковую форму.

Отсюда вытекает еще одно важное различие — функциональное. Ирония не существует в готовом виде, но возникает в процессе коммуникации. Одной из техник создания иронического отношения является использование риторических тропов и фигур, в том числе метафор:

*Презентация косметики, по идее, для женщины — самая приятная вещь. Но не все так просто. **Это ловушка**: ты расплачиваешься за еду и подарки часами своей жизни. Рано или поздно тебя погонят к проектору, к экрану, к кафедре. Покажут графики и тютюки. **Прогрызут дыру в головном мозге. Заполнят ее ценной информацией** о товаре, о пептидах и липидах, о коллагенах и коэнзимах. О цемент-керамидах, наконец [13].*

В данном примере последовательное использование метафор для описания презентаций создает эффект несоответствия реального положения дел ожидаемому. Как следствие, возникает иронический эффект.

Следующие фрагменты — еще более яркий пример последовательного инструментального использования метафоры с различным прагматическим эффектом.

В своем выступлении в Государственной Думе премьер-министр В. В. Путин метафорически назвал

резервные денежные средства «подушкой безопасности»:

Кроме того, в проекте бюджета имеется специальный резерв в объеме 125 млрд рублей. Очень много факторов неопределенности: мы с вами точно, на 100 %, не можем спрогнозировать детали развития событий, и нам нужна с вами «подушка безопасности» на случай, если потребуется срочно вмешаться в развитие неблагоприятных тенденций. И эта «подушка безопасности» в бюджете предлагается (premier.gov.ru/events/2490.html).

Метафорическое отождествление в речи премьер-министра денежных резервов в бюджете государства и подушки используется и развивается оппонентом в дискуссии:

Я считаю, что, если он и дальше будет распоряжаться финансами, когда уже треть золотовалютных резервов истрачена, и почти ничего не дошло до реального сектора экономики, мы скоро останемся не с подушкой безопасности, а с грязной и пустой наволочкой, когда нам нечем будет платить и не на что будет покупать (<http://kprf.ru/personal/zyuganov/statement/65328.html?s>).

Далее метафоры, употребленные в речах премьер-министра и руководителя фракции КПРФ, были использованы в аналитической статье, опубликованной в газете «Коммерсант»:

В ответ на то, что Владимир Путин рассказал, как в новом бюджете появилась «подушка в 125 млрд руб., на всякий случай», Геннадий Зюганов заявил, что если не убрать из правительства Алексея Кудрина, то «мы останемся не с подушкой, а с грязной пустой наволочкой» (хотя сама подушка появилась благодаря усилиям именно господина Кудрина, а наволочка уже грязная от того, что некоторые, в том числе лоббисты из КПРФ, без конца хватают ее своими руками) [14].

Многократное повторение и развитие метафоры в статье — это вербальное действие, прагматическим эффектом которого является отношение иронии.

Метафора сама может стать объектом иронического отношения. В приведенном ниже фрагменте автор комментирует метафорические клише, которыми пользуются в рекламе косметических средств:

Растениеводство позволяет получить экстракты из сердца трав... Интересно, а есть ли у травы, допустим, печень?

Далее ироническое отношение транслируется через инtratекстуальную отсылку к метафорическому описанию процесса изготовления косметических средств:

Если цепочка между производителем и покупателем — в силу уменьшения расходов последнего — будет сокращаться, мы больше не увидим менеджеров, рыдающих от восторга над экстрактами из сердец трав [13].

Таким образом, несмотря на ряд общих свойств, метафора и вербальная ирония по-разному реализуются в коммуникации: метафора — это языковой инструмент, в то время как ирония — это определенный тип вербального действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grady J. E. Metaphor / J. E. Grady // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. — Oxford University Press, 2007. — P. 188—213.
2. Goatly A. Washing the Brain : Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. — 431 p.
3. Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston and R.W. Gibbs ; Lawrence Erlbaum Associates. — New York ; London, 2007. — 619 p.
4. Вико Д. Основания Новой науки : об общей природе наций / Д. Вико ; пер. с итал. А. А. Губера. — М. ; Киев : REFL-book ; ИСА, 1994. — 617 с.
5. Burke K. Language as Symbolic Action : Essays on Life, Literature, and Method / K. Burke. — University of California Press, 1966. — 514 p.
6. Chandler D. Semiotics : the Basics. — 2nd ed. / D. Chandler. — London ; New York : Routledge, 2007. — 307 p.
7. Searle J. Expression and Meaning / J. Searle. — Cambridge : Cambridge University Press, 1979. — 197 p.
8. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — М. : Гнозис, 2006. — 376 с.
9. Sperber D. Relevance : Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. — 2nd ed. — Wiley-Blackwell, 1995. — 326 p.
10. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — М., 1994.
11. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с.
12. Кобозева И. М. Перформативность глагола и его лексическое значение / И. М. Кобозева // Linguistische Arbeitsberichte, No. 54/55. — Leipzig, 1986. — S. 176—189.
13. Денисова С. Поэзия ласкающих текстур / С. Денисова // Русский репортер. — 2009. — № 7. — С. 62.
14. Колесников А. Владимир Путин отчитался как отчитал / А. Колесников // Коммерсантъ. — 2009. — 7 апр.

Воронежский государственный университет
Шилихина К. М., доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
E-mail: shilikhina@gmail.com
Тел.: (4732) 20-41-49

Voronezh State University
Shilikhina K. M., Associate Professor of the Theoretical
and Applied Linguistics Department
E-mail: shilikhina@gmail.com
Tel.: (4732) 20-41-49